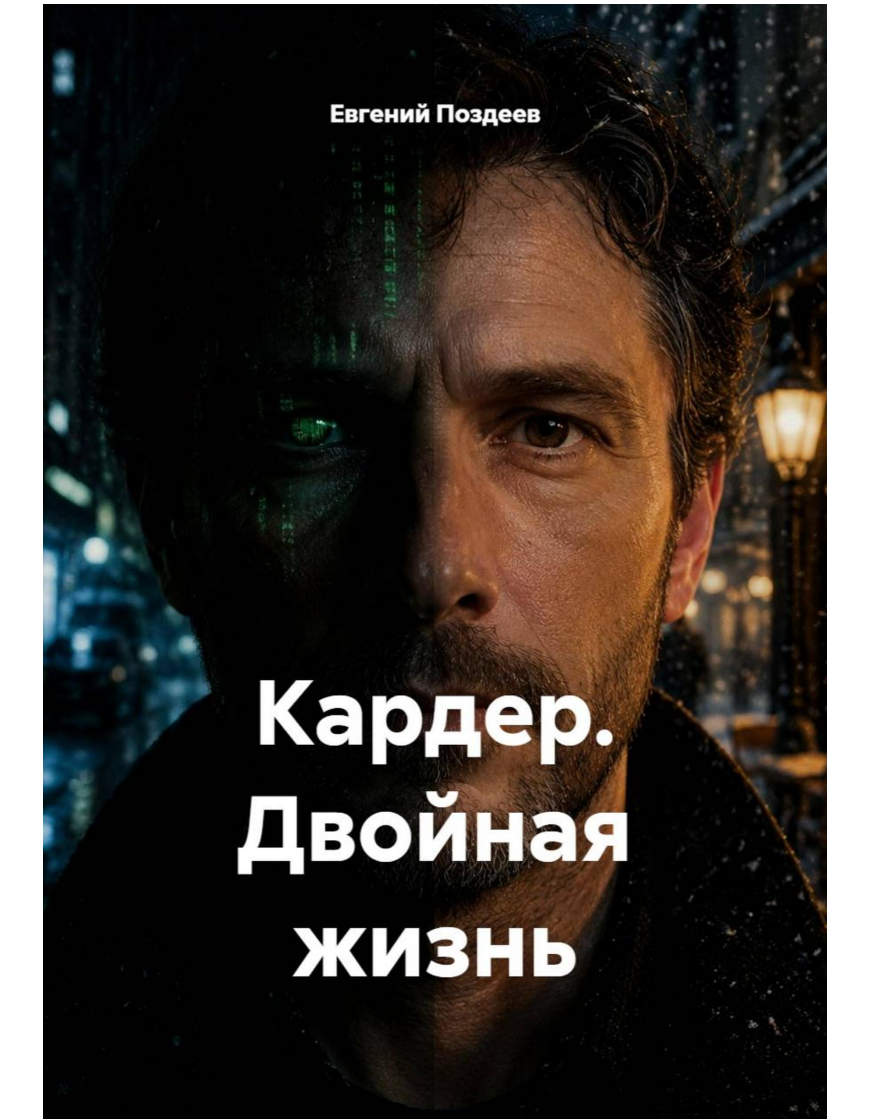


A close-up portrait of a man with dark, curly hair and a beard, looking directly at the camera. The image is split vertically: the left side is dark with green digital data patterns, while the right side is lit with warm, golden light from a street lamp. The background is a blurred city street at night.

Евгений Позднев

**Кардер.
Двойная
ЖИЗНЬ**

Евгений Поздеев

Кардер. Двойная жизнь

<https://litres.ru/73940734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Зареченск, конец девяностых. У студента Лёши нет денег, нет работы, нет будущего. Случайное объявление в интернете приводит его в офис, где красивые девушки пишут письма иностранцам от лица несуществующих невест. Лёша чинит компьютеры, но быстро понимает: это только начало. Он погружается в мир кардинга — кражи чужих кредитных карт. Анонимные форумы, даркнет, сделки на сотни тысяч долларов. Двойная жизнь становится единственно возможной. Но прошлое не отпускает. Оно приходит в виде писем, угроз и лиц, которых он хотел бы забыть. «Кардер. Двойная жизнь» — это роман о человеке, который пытается вырваться из грязи, но тянет её за собой. О любви, которая выживает там, где выжить невозможно. И о цене, которую платишь за право жить честно.

Содержание

Часть 1. Зареченск	4
Глава 1. Город	4
Глава 2. Офис	12
Глава 3. Первые дни	20
Глава 4. Первая сделка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Поздеев

Кардер. Двойная жизнь

Часть 1. Зареченск

Глава 1. Город

Зареченск, ноябрь 1997 года. Город спал. Точнее, он никогда по-настоящему не просыпался — только менял форму своей тоски. Утром она была серой, как промёрзшие стёкла в автобусной остановке. Днём — бледно-жёлтой, как просроченный кефир в молочном ларьке. Вечером — густо-синей, почти чёрной, когда фонари горели через один, и свет их казался не светом, а разрешением темноты быть чуть менее наглой. Зареченск стоял на берегу Чёрной реки. Название дали не за воду — летом она ещё как-то блестела на солнце, — а за дно. Многолетний слой мазута, угольной пыли и ржавчины делал её похожей на вену больного города. Завод на восточной окраине когда-то кормил пол-области. Теперь он только дышал — тяжело, хрипло, выбрасывая в небо жирный дым, который не уходил, а стелился по крышам, пропитывая одежду, волосы, лёгкие. Люди привыкли. Не замечали. Лёша замечал всё. Он родился здесь — в роддоме на ули-

це Комсомольской, там, где сейчас торгуют китайской обувью и поддельными дисками. Вырос в панельной пятиэтажке с трещинами на фасаде, которые замазывали той же штукатуркой раз в пять лет, но трещины возвращались — как простуда, как долги, как чувство, что ты живёшь на дне перевернутого стакана. Сейчас ему было девятнадцать. Первый курс политехнического. Прикладная математика, если верить диплому, который он получит через четыре года. Лёша не очень верил — слишком много говорили вокруг, что дипломы в Зареченске штампуют пачками, как хлеб в пекарне, и что единственный, кто их читает, — это военкомат. Но Лёша учился. Не потому, что верил в образование. А потому, что больше нечем было занять дни.

Осень в Зареченске длилась три недели. В начале октября ещё можно было ходить в куртке. К середине ноября город промерзал насквозь, и снег ложился не белым, а грязно-бурым — от угля, от выхлопов «ЗИЛов» и «КамАЗов», которые ползли по трассе на Тверь. В этом году ноябрь выдался особенно тоскливым. Лёша шёл по проспекту Победы — главной улице, названной так в честь неизвестной победы, потому что все известные случились задолго до того, как этот проспект заасфальтировали. Слева тянулись магазины с пустыми витринами, справа — сквер с памятником Ленину. Вождь стоял на постаменте, вытянув руку в сторону завода, но завод не работал, и рука его казалась жестом не указательным, а просительным. «Дайте хоть что-нибудь»,

— думал Лёша, глядя на бронзового деда. — «Работу, деньги, смысл. Всё равно что». Ветер дул с севера. Лёша поднял воротник старой куртки — армейской, ещё отцовской, с выцветшими нашивками, которые он забыл отпороть. В кармане лежало двенадцать рублей. На них можно было купить три буханки хлеба или пачку дешёвых сигарет и шоколадку. Он купил бы сигареты, если бы курил. Он не курил. Только смотрел, как дым из труб завода смешивается с туманом, и думал о том, что где-то есть города, где ноябрь пахнет корицей и яблоками, а не мазутом и отчаянием.

После обеда он зашёл в компьютерный клуб. Клуб назывался «Фараон» и располагался в подвале бывшего ателье. Вход был с торца здания — железная дверь с отвалившейся ручкой, лестница, которая пахла сыростью и кошачьей мочой, и наконец — подвал. Низкий потолок, лампы дневного света, которые гудели на одной частоте с системными блоками, и десять компьютеров. Пять — для игр. Три — для интернета. Два — сломаны. Лёша приходил сюда почти каждый день. Не играл — не было денег. Просто сидел на старом диване у стены, смотрел на экраны и ждал, когда освободится место за тем компьютером, где был доступ в сеть. Владелец клуба, толстый дядька по кличке Моня, махал рукой: «Давай, Лёха, час бесплатно. Но если клиент придёт — вылетаешь». Лёша кивал, садился за «Пентиум» — сто тридцать три мегагерца, шестнадцать мегабайт оперативки, чудо техники, — и включал браузер. Текстовый. Lynx. Ни картинок,

ни цвета, ни надежды, что когда-нибудь всё это изменится. Но даже так интернет был окном. Окном в мир, где люди не спали на продавленных матрасах, не считали копейки до зарплаты, не ждали, когда завод оживёт и придёт новая эпоха. Они там, за окном, жили. А Лёша смотрел.

В тот день он зашёл на форум — маленький, почти частный, для таких же провинциальных «айтишников», как он. Кто-то обсуждал новый процессор от Intel. Кто-то жаловался на Windows 95. Кто-то писал про работу в Москве: «устроился программистом, платят пятьсот баксов, снимаю комнату в Сокольниках». Пятьсот баксов. Лёша представил эту сумму. Если положить их в стопку — какая будет высота? Если обменять на рубли по курсу пять тысяч девятьсот — сколько это будет нулей? Он не знал. Он никогда не держал в руках доллара. Только видел однажды — у соседа по общежитию, который ездил на заработки в столицу и вернулся с золотым перстнем и кашемировым шарфом. Соседа через два месяца убили в разборках. Шарф забрала милиция в качестве вещдока. Лёша закрыл браузер и вышел из клуба. На улице темнело. Фонари на проспекте горели через один, и тени от них падали на асфальт длинными кривыми полосами — как пальцы, которые пытались что-то удержать, но не могли.

По дороге домой он остановился у витрины единственного в городе магазина, где продавали импортную технику. Там стоял ноутбук. Тонкий, чёрный, с логотипом в виде надкушенного яблока. Лёша видел такие в фильмах — там их от-

крывали на заседаниях совета директоров, на яхтах, в номерах дорогих отелей. Ценник был написан от руки на куске картона: «5500\$». Пять тысяч пятьсот долларов. Лёша представил, сколько лет нужно работать в Зареченске, чтобы собрать такую сумму. Потом перестал представлять — выходило слишком много лет, больше, чем он собирался прожить. Он отвернулся от витрины и пошёл дальше. Мимо закрытого хлебного. Мимо пустого рынка. Мимо остановки, где мёрзла старуха в ватнике и ждала автобуса, который, возможно, уже не ходил. Мимо города, который обещал ему только одну жизнь — такую же серую, как его снег, такую же беспросветную, как его небо.

Дома, в комнате общежития на улице Ленина, 73, он сел за свой стол. Стол был старый, кухонный, покрытый плёнкой «под дерево». На нём стоял компьютер — не ноутбук за пять тысяч, а собранный из запчастей «Пентиум» с корпусом бежевого цвета, который когда-то был чьим-то офисным системником. Лёша включил его. Вентилятор загудел — сначала громко, потом тише, привыкая к вечерней прохладе. Загрузилась Windows. Синий экран, зелёные волны, значок «Мой компьютер». Он зашёл в интернет — через телефонную розетку, через модем, который издавал звуки, похожие на крик умирающей птицы. Соединение установилось через минуту — вечность по меркам тех, кто не жил в 1997 году. И снова форумы. Снова объявления. Снова чья-то жизнь, которая была интереснее его собственной.

А потом он увидел его. Объявление было коротким, напечатанным заглавными буквами, без картинок, без подписи. Просто слова: «В ОФИС ТРЕБУЮТСЯ ЛЮДИ. ЗНАНИЕ АНГЛИЙСКОГО — ОБЯЗАТЕЛЬНО. КОМПЬЮТЕР — ПРИВЕТСТВУЕТСЯ. ЗАРПЛАТА — ОТ 300\$ В МЕСЯЦ. ЗАРЕЧЕНСК. ТЕЛЕФОН...» Лёша перечитал три раза. Потом выключил компьютер. Подошёл к окну. За окном всё так же падал снег — грязный, медленный, бесконечный. Где-то лаяла собака. Где-то играла музыка — женский голос пел про любовь, которая «нечаянно нагрянет». Лёша посмотрел на свои руки. Молодые, но уже жёсткие. С обкусанными ногтями. Без кольца, без часов, без перстня. Руки, которые не держали долларов. Руки, которые могли держать клавиатуру. Он подумал о ноутбуке в витрине. О соседи с золотым перстнем. О пятистах баксах программиста из Москвы. О том, что однажды он проснётся — и ему будет сорок. И он будет стоять на той же остановке, в том же ватнике, ждать того же автобуса. Лёша глубоко выдохнул. Сел за стол. И перечитал объявление в четвёртый раз. Номер в объявлении был городской. Лёша знал этот код — 082, Зареченск и ещё три деревни по трассе, которые никто никогда не видел, но в справочнике они существовали. Он смотрел на цифры, выведенные мелким шрифтом, и почему-то боялся. Не того, что ему откажут или обсмеют. Боялся того, что согласятся. Что за этими цифрами окажется дверь, которую он откроет — и за ней будет уже не его прежняя жизнь с её тихим от-

чаянием, а что-то другое, неизвестное, возможно, ещё более страшное, чем серые улицы и пустые карманы. Но рядом с этим страхом жил другой, более привычный — страх остаться навсегда. Он пересилил.

Он решил звонить на следующий день, с утра, когда в общежитии ещё было тихо и можно было поговорить, не боясь, что кто-то услышит. В семь часов он умылся ледяной водой из крана — горячую отключали на месяц, пока чинили трубы где-то в подвале, — надел единственную чистую рубашку, пригладил волосы мокрой ладонью и сел перед телефоном. Таксофон висел в конце коридора, у выхода на лестницу. Аппарат был старый, ещё дисковый, с потрескавшейся трубкой, которую кто-то когда-то жевал в приступе злости или отчаяния. Лёша опустил две монеты — копейки, на звонок по городу хватало, — и набрал номер. Диск возвращался медленно, с механическим шорохом, который казался громче, чем должен был быть. На том конце ответили после третьего гудка. Голос был мужской, низкий, без приветствия, без намёка на вежливость. «Слушаю», — сказал голос, и в этом одном слове Лёша услышал всё: усталость, подозрительность, привычку не доверять незнакомцам. Он назвал объявление. Голос помолчал несколько секунд — достаточно, чтобы Лёша успел представить, как человек на том конце смотрит в потолок или на дверь, или, может быть, на экран монитора. Потом спросил: «Английский знаешь?» Лёша сказал, что знает. «Компьютер?» — «Есть». Голос назвал адрес. Улица Ка-

линина, дом 14, бывшее ателье, вход со двора. «Сегодня в шесть. Не опаздывай. Бутылку не бери, документы возьми». И повесили трубку. Лёша стоял у таксофона с зажатой в руке трубкой, из которой доносились короткие гудки, и чувствовал, как колотится сердце где-то у горла. До шести вечера оставалось одиннадцать часов.

Глава 2. Офис

Калинина, 14, оказался двухэтажным зданием из красного кирпича, с облупившейся штукатуркой и вывеской, которую сняли так давно, что на стене остался только выцветший прямоугольник. Раньше здесь действительно было ателье — Лёша помнил, как мать водила его сюда в детстве, чтобы подшить брюки. Теперь первый этаж занимали какие-то склады, а второй, судя по всему, сдавался под офисы. Вход со двора оказался железной дверью без таблички, с кодовым замком, на котором цифры стёрлись так, что можно было угадать только две — 4 и 7. Лёша постоял, не зная, что делать. Потом изнутри послышались шаги, дверь открылась, и на пороге появился тот самый голос из телефона — мужчина лет сорока, бритый налысо, в чёрной водолазке и джинсах, с золотой цепью на шее, которая блеснула в свете уличного фонаря, хотя фонари ещё не зажглись. «Алексей?» — спросил мужчина, и Лёша кивнул, потому что голос вдруг пропал. «Заходи. Не стой на холоде». Он посторонился, пропуская Лёшу внутрь, и дверь за ними закрылась с мягким щелчком, отрезая уличный шум, голоса, запах снега — всё, что было снаружи, от того, что начиналось внутри.

Коридор был узким, с низким потолком и запахом машинного масла, смешанным с дешёвым освежителем воздуха — резким, приторным, почти сладким, как жвачка, которую

жуют, чтобы перебить запах табака. Стены были выкрашены в бледно-зелёный, казённый цвет, какой бывает в больницах и военкоматах. Лампочка под потолком горела вполнакала, и тени от проводов, тянувшихся вдоль плинтусов, падали на пол кривыми змеями. Мужчина шёл впереди, не оборачиваясь, и Лёша смотрел на его широкую спину, на то, как уверенно он ступает, будто каждый шаг здесь был выверен и повторён сотни раз. В конце коридора была ещё одна дверь, обитая дерматином, с металлической ручкой, которую мужчина повернул, не останавливаясь. Офис оказался больше, чем ожидал Лёша. Это была одна большая комната с тремя окнами под самым потолком — на уровне земли, потому что здание стояло на склоне, и первый этаж с этой стороны уходил вниз. В окна было видно, как кто-то идёт по улице — только ноги, от колен и ниже, мелькают за мутным стеклом.

Вдоль стен стояли компьютеры — старые, но ухоженные, без пыли, с аккуратно уложенными проводами. Лёша насчитал девять. Мониторы были повернуты так, чтобы никто из входящих не мог увидеть экраны — только спинки кресел. Сами кресла были пусты. Во всём офисе не было ни души, только мужчина и он. «Садись», — мужчина кивнул на одно из кресел и сам опустился в другое, напротив. Между ними не было стола — только разделяющий их ковролин, серый, вытертый, с застарелыми пятнами, которые Лёша предпочёл не рассматривать. «Ты кто?» — спросил мужчина, и вопрос был не про имя, не про образование, не про опыт. Он

был про то, что Лёша чувствовал, когда смотрел в глаза этому бритому, спокойному, опасному человеку. «Я могу работать», — ответил Лёша, потому что правда — «я студент из общаги, у меня дырявые кеды и пустой холодильник» — была бы слишком длинной и слишком унижительной. Мужчина усмехнулся. Не зло, но и не дружелюбно. Как человек, который слышал этот ответ сто раз и знает, что за ним стоит. «Посмотрим», — сказал он. И достал из кармана сигареты.

Мужчина закурил, не спрашивая, не против ли Лёша дыма. Сигарета была тонкая, импортная, с золотым ободком на фильтре — такие не продавали в ларьках у метро, такие привозили из-за границы или покупали в дорогих магазинах, куда Лёша никогда не заходил. Он смотрел, как струится дым в тусклом свете лампы, поднимаясь к потолку, где оседал серым облаком, смешиваясь с запахом масла, освежителя и ещё чего-то неуловимого, что висело в воздухе этого офиса с тех пор, как его открыли. Мужчина молчал, и Лёша понимал, что это проверка — выдержит ли он паузу, начнёт ли заискивать, торопиться, оправдываться. Он молчал тоже. Сидел в продавленном кресле, сжимая в кармане дырявых кед студенческий билет, который взял вместо документов, и ждал. «Зовут меня Руслан», — сказал мужчина наконец. Он произнёс своё имя так, будто это было не представление, а предупреждение. Лёша слышал это имя раньше — в новостях, в разговорах на рынке, вполголоса, каким в Зареченске обсуждали тех, кто стоит над теми, кто стоит над всеми. Руслан

не был похож на бандита в том смысле, какой вкладывали в это слово на улицах. У него не было малинового пиджака, чёрных «джентов» или золотых перстней на каждом пальце. Он был одет просто, даже скупно — водолазка, джинсы, часы с чёрным циферблатом на тонком кожаном ремешке. Но в том, как он сидел — расслабленно, откинувшись на спинку, положив ногу на ногу, — чувствовалась уверенность человека, который привык, чтобы его слушались. И в том, как он смотрел — спокойно, не мигая, изучая Лёшу как инженер изучает механизм перед тем, как пустить в ход, — было что-то, от чего по спине бежали мурашки, но отступить было уже поздно.

«Ты знаешь английский», — сказал Руслан. Это был не вопрос. Лёша кивнул. «Школа, институт, самоучка. Читаю техническую литературу, перевожу статьи, иногда общаюсь на форумах». — «С американцами?» — «В основном с немцами и голландцами. Американцы редко заходят на те ресурсы, где я бываю». Руслан выпустил дым в потолок и, кажется, остался доволен ответом — или, по крайней мере, не нашёл в нём повода для немедленного отказа. Он встал, подошёл к одному из компьютеров, включил его. Монитор засветился синим, и Лёша увидел заставку Windows 95 — те же зелёные волны, тот же значок корзины, что и на его домашнем «Пентиуме». Но этот компьютер был новее, быстрее. Руслан открыл какой-то файл, развернул монитор так, чтобы Лёше было видно, и жестом пригласил подойти. На экране было

письмо. Длинное, на английском, с правильной грамматикой и хорошим стилем. Кто-то по имени Дэвид писал женщине по имени Наташа, что скучает по ней, что её фотография висит у него над столом, что он отправил ей посылку с витаминами и книгой по русской истории, которую нашёл в местной библиотеке. Письмо заканчивалось словами: «I can't wait to see you. Every day I think about our future together».

Лёша прочитал письмо дважды. Потом перевёл взгляд на Руслана. «Наташа — это кто?» — спросил он, хотя уже догадывался. Руслан усмехнулся, но на этот раз жёстче, чем в начале разговора. «Наташи нет, — сказал он. — Есть фотография. Хорошая фотография. Дэвид живёт в Огайо, ему пятьдесят три, он разведён, у него дом в пригороде и две машины. Два месяца назад он нашёл нашу анкету на сайте знакомств. Теперь он жених». — «А кто пишет письма?» — «Девочки. Студентки, филологи, кто с языком работает. Но девочек много, а хорошего администратора нет. Компьютеры встают, интернет отваливается, базы данных теряются». Руслан потушил сигарету в пепельнице, стоявшей на подоконнике, и повернулся к Лёше. «Ты нужен мне не для писем. Ты нужен мне для машин. Сделаешь так, чтобы всё работало, — будешь получать свои триста. А если научишься ещё чему-нибудь — может, и больше». Лёша смотрел на экран. Дэвид из Огайо ждал ответа от несуществующей Наташи. В его письме было столько надежды, столько одиночества, столько веры в то, что он наконец нашёл то, что искал, — что на се-

кунду Лёше стало физически больно. Но боль прошла так же быстро, как пришла. Он вспомнил свои кеды с дыркой, пустой холодильник, иней на окне общежития, запах мазута над Чёрной рекой. Он вспомнил, как мать плакала в девяносто восьмом, когда им на три месяца задержали пенсию, и они ели одну гречку. «Я согласен», — сказал Лёша.

Руслан кивнул, будто другого ответа и не ждал. «Завтра в девять. Придёшь — познакомлю с девочками. Покажешь, что умеешь. И запомни, — он поднял палец, и в этом жесте не было ничего театрального, только привычка человека, который много раз объяснял правила новичкам, — обо всём, что здесь увидишь, ни слова. Ни матери, ни друзьям, ни девушке, если есть. Это не бизнес для разговоров. Это бизнес для работы». Лёша снова кивнул. Внутри у него всё сжалось — от страха, от стыда, от острого, почти болезненного чувства, что он только что переступил черту, и назад дороги не будет. Но в этом же сжатии было и что-то другое — то, что он не решился бы назвать надеждой, но что очень походило на неё. Он вышел на улицу уже затемно. Снег перестал, и небо прояснилось — впервые за эту неделю. Над крышами низко висели звёзды, жёсткие, колючие, похожие на мелкие льдинки, которые вот-вот упадут на землю. Лёша поднял воротник куртки и пошёл к остановке. До общежития было двадцать минут пешком, но он решил пройтись — нужно было выветрить из головы запах офиса, дым «Парламента», голос Руслана, который всё ещё звучал в ушах. Город спал тем же тя-

жёлтым сном, что и всегда. За закрытыми ставнями магазинов, за тёмными окнами жилых домов, за железными дверями гаражей, теснившихся вдоль трассы, — везде была тишина, не спокойная, а какая-то выжидающая, будто город знал что-то, чего не знал Лёша, и молчал, наблюдая, как он идёт по пустынной улице, считая редкие фонари и свои шаги.

Утром он проснулся за час до будильника. Это было странное чувство — когда тело уже отдохнуло, но разум ещё не включился, и ты лежишь на спине, глядя в потолок, на котором трещины складываются в карту неведомой страны, и пытаешься вспомнить, что случилось вчера и почему сегодняшний день кажется другим. Потом всё вернулось — звонок, разговор, Руслан, офис на Калинина, 14, обещание трёхсот долларов. Лёша сел на кровати и долго растирал лицо ладонями, будто пытался стереть с него остатки сна и заодно сомнения. Сомнения не стирались, но он уже привык к ним за эти годы — они были такими же частью его утра, как холодная вода из крана и запах тушёнки из коридора. Он оделся тщательнее, чем обычно. Джинсы, которые мать зашивала уже два раза, но они всё равно были чистыми. Рубашка, которую он гладил вчера вечером, прижав утюгом к краю стола, потому что гладильной доски в общежитии не было. Кеды — те же, с дыркой, но дырка была с внутренней стороны, и если не присматриваться, то и не заметно. В зеркале, висевшем над раковиной в туалете на этаже, он увидел парня девятнадцати лет, с бледным лицом, тёмными кругами под

глазами и слишком серьёзным для его возраста взглядом. Он не знал, нравится ли ему то, что он видит. Но знал, что это всё, что у него есть.

Глава 3. Первые дни

В офис Лёша пришёл в без десяти девять. Дверь со двора была уже открыта — внутри кто-то был, потому что из вентиляционной решётки доносился гул включённых компьютеров и женские голоса, которые смеялись над чем-то, чего Лёша не мог разобрать. Он поднялся по лестнице, прошёл по узкому коридору с бледно-зелёными стенами и остановился перед дверью, обитой дерматином. Секунду колебался — стоит ли стучать в собственном офисе, куда его пригласили работать, — и всё-таки постучал. Три коротких удара. Тишина на секунду, потом всё тот же женский смех, и голос изнутри: «Входите, не заперто!» В комнате было светло — лампы дневного света, те самые, которые гудели в клубе «Фараон», но здесь их было больше, и гул стоял ровный, почти убаюкивающий. Компьютеры работали все, кроме одного, у которого открытый корпус лежал на полу, и Лёша сразу понял — это его первая задача. За столами сидели девушки. Четверо. Он насчитал четыре кресла, четыре пары глаз, четыре улыбки — от настороженных до откровенно любопытных.

Самая старшая, лет двадцати пяти, сидела ближе к окнам. У неё были короткие тёмные волосы, большие очки в металлической оправе и на удивление спокойный, изучающий взгляд, которым она обвела Лёшу с головы до ног. «О, а это, видимо, наш новый технарь», — сказала она, не обращаясь

ни к кому конкретно. — «Руслан говорил, что парень с английским. Ты где язык подтягивал?» Лёша ответил, что самоучка, читал много, смотрел фильмы без перевода. Девушка в очках кивнула, будто это было правильным ответом, и представилась: «Таня». Остальные девушки тоже называли имена, но Лёша запомнил только Танино. Не потому, что она ему понравилась — нет, он не думал об этом, — а потому, что в её голосе была та же усталость, что и в его, только спрятанная за насмешливостью и быстрой речью. Она, как и он, здесь не была своей. И это почему-то стало важным. «Руслан сказал, чтобы ты сначала посмотрел, как мы работаем», — сказала Таня, кивнув на свободное кресло у стены. — «Посиди, понаблюдай. Потом, если вопросы будут, спросишь».

Лёша сел. Девушки вернулись к своим экранам, и на несколько минут в офисе воцарилась тишина, нарушаемая только гудением ламп и стуком клавиш. Лёша смотрел, как они печатают — быстро, сосредоточенно, иногда переговариваясь короткими фразами, которые были непонятны без контекста: «Письмо отправила», «Этот просит фото в купальнике», «Скажи ему, что заболела, пусть переведёт на лекарства». Он не сразу понял, что именно они делают. А когда понял, внутри снова шевельнулось то самое чувство — смесь стыда, отвращения и холодного, расчётливого понимания, что это не его выбор, это его работа. И триста долларов не спрашивают, нравится тебе она или нет. Весь день он просидел в офисе, помогая настраивать тот самый сломанный

компьютер — проблема была в блоке питания, и Лёша решил её за час, поменяв конденсаторы, которые нашёл в старом системнике, принесённом из подсобки. Девушки перебрасывались шутками, иногда втягивая его в разговоры, но он отвечал односложно, не вдаваясь в подробности о себе. Таня пару раз посмотрела на него с тем же изучающим выражением, что и при встрече, но ничего не спросила. Ближе к вечеру Руслан зашёл на минуту, проверил, как идут дела, кивнул Лёше, увидев работающий компьютер, и сказал: «Нормально. Завтра в это же время».

Первая неделя в офисе растянулась в бесконечность. Лёша приходил к девяти, когда девушки ещё только собирались, пили растворимый кофе из пластиковых чашек и обсуждали вчерашние сериалы, и уходил в восьмом часу вечера, когда последние письма были отправлены, а адресаты на том конце океана — кто в Огайо, кто в Техасе, кто в крошечном городке, названия которого Лёша не мог выговорить, — ложились спать, думая о несуществующих невестах, которые якобы ждут их в холодной России. Он не участвовал в разговорах, не пил кофе, не смеялся над шутками. Он чинил компьютеры, настраивал интернет, разбирался с базами данных, которые велись в «Экселе» с таким количеством ошибок, что диву даёшься, как они вообще не схлопнулись в ноль. Девушки привыкли к нему быстро — как привыкают к мебели, которая стоит в углу и не мешает. Только Таня иногда кидала в его сторону короткие взгляды, значение которых он не

мог разгадать.

Офис жил своей жизнью, и Лёша постепенно начал понимать, как она устроена. Девушки — их было пятеро, не считая Тани, — сидели на зарплате в сто-двести долларов, в зависимости от того, сколько писем отправляли и сколько мужчин «вели». В «ведении» означало постоянную переписку с конкретной жертвой — иногда месяцами, иногда годами, — в которой нужно было поддерживать иллюзию любви, обещать скорую встречу, выманивать деньги на билеты, визы, лекарства, операции, погашение долгов, покупку компьютера, ремонт квартиры, похороны матери, свадьбу сестры, лечение зубов, курсы английского, адвоката для брата, которого посадили за драку, и ещё сотню причин, которые Лёша переставал запоминать после третьей. Самое страшное было не в самих письмах — в конце концов, текст есть текст, его можно написать, стереть, переписать. Самое страшное было в том, как легко это давалось девушкам. Они смеялись, обсуждая наивность очередного «жениха», сравнивали, кто вытянул больше денег за неделю, спорили, какой американский штат самый доверчивый. Иногда Лёше казалось, что они не понимают, что делают. Или понимают, но не хотят понимать, потому что иначе пришлось бы остановиться — а останавливаться было некуда.

Через десять дней Руслан позвал его в свой кабинет — маленькую комнату в конце коридора, которую Лёша сначала принял за кладовку. Внутри было тесно: стол, два стула,

сейф в углу, на стенах — календари с голыми девушками, такие же, как в офисе, только дороже. Руслан сидел за столом, листая какие-то бумаги, и не поднял головы, когда Лёша вошёл. «Закрой дверь», — сказал он, и Лёша закрыл. «Садись». Сел. Тишина повисла на несколько секунд — достаточных, чтобы Лёша успел вспотеть, хотя в кабинете было прохладно. «Ты хорошо работаешь», — сказал Руслан наконец, откладывая бумаги в сторону. «Быстрее, чем я думал. Компьютеры не встают, базы в порядок привёл. Девочки жалуются, что ты молчаливый, но это не страшно. Работу делаешь — и ладно». Он помолчал, закурил свою тонкую сигарету, и Лёша снова увидел тот самый взгляд — тяжёлый, оценивающий, без намёка на теплоту. «Триста долларов, как договаривались. Получишь в конце месяца. Но я хочу тебе предложить кое-что ещё». Он достал из стола исписанный листок и протянул Лёше. Там были адреса сайтов, логины, пароли, короткие инструкции на русском с английскими терминами, которые Лёша узнал сразу — кардинг, дропы, обналичивание, CVV, PayPal. «Это не для девочек, — сказал Руслан, выпуская дым в потолок. — Это для тебя. Разбираешься в сетях, в компьютерах. Сможешь освоить — будешь получать не триста, а тысячу. И не только от меня. В интернете свои люди, свои схемы. Там деньги другие».

Лёша читал листок, и пальцы у него слегка дрожали. Он знал эти слова — встречал на форумах, в статьях, в редких разговорах с теми, кто уже пробовал этот путь и либо уехал

в Москву, либо исчез из города, либо сидел. Тысяча долларов. В Зареченске, где врачи получали сорок, а учителя — двадцать пять. Тысяча долларов — это не билет. Это целый поезд, который умчит его куда угодно, хоть в Москву, хоть в Питер, хоть за границу, если повезёт. Он поднял глаза на Руслана и спросил: «Что нужно делать?» Руслан усмехнулся — в третий раз за их знакомство, и эта усмешка была совсем другой, не злой и не весёлой, а какой-то удовлетворённой, будто он только что выиграл спор с самим собой. «Научу, — сказал он. — Но сначала поработай с девочками. Посмотри, как деньги делаются из воздуха. А потом — интернет. Там тебя научат лучше, чем я». Лёша кивнул, вышел из кабинета и сел за свой компьютер. Девушки работали, не обращая на него внимания. Таня что-то печатала, быстро, сосредоточенно, иногда поглядывая на экран соседки. Лёша смотрел на неё и думал о том, что, наверное, она тоже мечтает уехать. Тоже хочет свободы. Тоже готова на многое, чтобы вырваться из этого города. Но она выбрала письма. А он выберет кардинг. И кто из них прав — покажет время.

Глава 4. Первая сделка

Лёша зашёл на форум в тот же вечер. Дома, в своей комнате общежития, где батареи грели едва-едва, а за стеной орал годовалый Лёня, он включил компьютер, дождался, пока модем издаст свой привычный скрежещущий крик, и открыл браузер. Адрес, который дал Руслан, был длинным и бессмысленным на первый взгляд — набор букв и цифр, заканчивающийся на .onion. Лёша знал, что это значит. Он читал про даркнет, про скрытые сервера, про то, как в глубине интернета живёт мир, недоступный обычным поисковикам. Но читать и оказаться там — это были две разные вселенные, которые теперь соприкоснулись в его запятнанных пальцах. Страница загружалась долго. Даже по меркам медленного dial-up'a, даже по меркам Зареченска, где интернет всегда был «чуть-чуть попозже». Но она загрузилась. Чёрный фон, зелёные буквы — стилизация под старые терминалы, которую Лёша сначала принял за признак крутости, а потом понял, что это просто практичность: никаких картинок, никакой рекламы, только текст, только информация, только то, ради чего люди сюда приходят. Вверху страницы — название форума, которое он сразу забыл, потому что оно было написано символами, не имеющими смысла. Ниже — строки: «Приветствую, путник. Здесь нет закона, кроме одного: не попадайся».

Логин и пароль, данные Русланом, подошли. Лёша вошёл под ником «Rover» — кто-то до него выбрал это имя, и Лёша не стал менять, потому что менять значило привлекать внимание, а внимание в таком месте было последним, чего он хотел. Перед ним открылся список разделов. «Обучение», «Покупка баз», «Продажа дропов», «Обнал», «Флудилка», «Чёрный список», «Вопросы админу». Лёша просмотрел названия и почувствовал, как у него пересохло во рту. Он был там, где люди торговали чужими жизнями, как на рынке торгуют картошкой, — открыто, цинично и без капли сомнения. Он начал с раздела «Обучение». Там были темы, которые читались как инструкции к бытовой технике: «Как проверить карту на живность за 5 минут», «Работа с Western Union для новичков», «Социальная инженерия: звоним в банк от лица клиента», «Обход 3D-Secure через звонок оператору». Лёша читал и не верил своим глазам. Всё, что он знал о компьютерах, о сетях, о безопасности, — всё это было здесь, но вывернуто наизнанку, использовано не для защиты, а для нападения. Эти люди не взламывали системы в голливудском смысле — они не вводили сложные команды, не отключали сигнализации за секунду до приезда полиции. Они просто звонили. Писали письма. Притворялись кем-то другим. И получали деньги. Так же, как девушки в офисе, только без фотографий Волочковой и любовных признаний.

Он написал своё первое сообщение в раздел «Помощь новичкам»: «Ищу наставника. Есть базовые знания компьюте-

ров и английского. Готов учиться». И стал ждать. Ответ пришёл через два часа от пользователя с ником «Script». «Rover, — писал он. — Напиши в личку. Расскажи, что умеешь. Без деталей, которые могут тебя выдать. Просто — чем можешь быть полезен». Лёша перечитал сообщение пять раз. Потом открыл личные сообщения и начал писать. Медленно, тщательно, перечитывая каждую строчку перед отправкой. Он писал о компьютерах, о сетях, об английском, о том, что может разобраться в любой программе и найти ошибку там, где другие сдаются. Он не писал о Зареченске, об офисе, о Руслане, о девушках. Он писал только то, что мог проверить любой, кто захочет его проверить, — свои навыки, своё время, свою готовность учиться. Script ответил через час: «Приходи завтра в это же время. Поговорим». Script оказался не тем, кого Лёша себе представлял. Он ожидал увидеть циничного профи — сухого, расчётливого, вроде Руслана, только без золотой цепи и запаха «Парламента». Вместо этого он получил человека, который писал длинные сообщения с ошибками в русском, любил отвлекаться на философию и, судя по всему, был примерно того же возраста, что и Лёша, — может, на пару лет старше.

«Я из провинции, — написал Script в их первом долгом разговоре. — Учусь на заочке, работаю в компьютерном клубе. Начал заниматься этим год назад. Сначала было страшно. Потом привык. Теперь не представляю, как жить по-другому». Они общались в личке, и Лёша ловил себя на мыс-

ли, что говорит с этим невидимым собеседником откровеннее, чем с кем-либо в реальной жизни. Не потому, что доверял ему, — нет, доверия не было и не могло быть. А потому, что анонимность давала странную свободу. Он мог сказать, что боится. Что не спит ночами. Что иногда ему хочется всё бросить и уехать в деревню к матери, забыть этот офис, эти письма, эти чужие жизни, которые он пересыпал в своей голове, как песок из одной горсти в другую. Script учил его осторожности. «Первое правило, — писал он. — Никогда не используй свои настоящие данные. Нигде. Никогда. Даже для регистрации на безобидном форуме. Даже для подписки на рассылку. Всё, что ты оставишь о себе в сети, — это след. А следы рано или поздно ведут к порогу». Второе правило: «Никогда не жадничай. Взял своё — уходи. Не пытайся выжать из схемы всё до копейки. Жадность — это то, по чему вычисляют чаще всего». Третье: «Никому не доверяй. Даже мне. Я могу быть кем угодно. Ты меня не знаешь. Я не знаю тебя. И это нормально». Лёша запоминал. Впитывал. Перечитывал сообщения Script'a по несколько раз, прежде чем закрыть браузер. По ночам, лёжа на продавленном матрасе в своей холодной комнате, он прокручивал в голове схемы, методы, предупреждения, и они складывались в картину мира, который существовал параллельно Зареченску — невидимый, опасный, манящий. В этом мире он мог быть кем угодно. Не Лёшей из общаги, не бедным студентом, не мальчиком, у которого дырявые кеды и нет денег на билет.

В этом мире он был Rover. А Rover мог всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.